

УДК 81.139

ББК 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-20-27

Эссе

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮРИИ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ СОРОКИНЕ

Белянин Валерий Павлович

Психотерапевт, York Regional Psychological Services, Торонто, Канада

Аннотация

В статье приводятся субъективные воспоминания о Сорокине Юрии Александровиче.

Ключевые слова: психолингвистика, библиопсихология, Институт языкознания АН СССР, Ю.А. Сорокин (1936–2009), Н.А. Рубакин (1842–1946)

В 2021 году исполнилось 85 лет со дня рождения Юрия Александровича Сорокина. Самого его уже нет в живых 11 лет, но я его помню и по сей день...

В 1976 году я был студентом 3 курса историко-филологического факультета Университета Дружбы Народов им. П. Лумумбы. У нас читали лекции преподаватели, которые получали явное удовольствие от чтения курсов. Я полюбил лингвистику, и понял, что это моё призвание.

Как-то на 16-й странице «Литературной газеты» была опубликована юмористическая заметка о том, как разные писатели пересказали бы один и тот же сюжет «Красной шапочки» – Тургенев, Пушкин, экзистенциалисты. Мне показался этот простой экзерсис очень важным для понимания сути текста – я уже тогда догадывался о том, что текст не только отражает реальность, но и видение реальности писателем. С этими идеями и пошёл писать курсовую у Михаила Николаевича Правдина. А потом однажды я пришел в гости на работу к своей тёще – сотруднице Института философии АН СССР М.А. Хевеши, и она спросила меня, не хочу ли я сходить в Институт языкознания, который находился во дворе их здания на Волхонке. Она сказала, что там есть Леонтьев Алексей Алексеевич, который занимается психолингвистикой. Меня это заинтересовало, т.к. в курсе методики преподавания русского языка нам рассказывали и об этой дисциплине. Я набрался смелости и отправился в небольшой двухэтажный особняк жёлтого цвета, который находился как бы во дворе Института философии АН СССР, что располагался тогда напротив бассейна «Москва».

Я пришёл удачно – в маленькой комнатке на первом этаже слева от входа, с окном, выходящим в стену, было несколько человек. Леонтьева не было – как мне сказали, он был в МГУ, читал лекции. Но в секторе была Наталья Владимировна Уфимцева и Юрий Александрович Сорокин. Сорокин принял меня на редкость радушно, я бы даже сказал, восторженно. Он сказал мне, что я должен почитать книгу Н.И. Жинкина «Механизмы речи» и пригласил прийти через две недели. Я прочитал эту немного разочаровавшую меня книгу и пришёл через две недели.

Юрий Александрович спросил меня, есть ли у меня доступ к испытуемым, и сказал, что может дать рекомендательное письмо для проведения эксперимента. Суть запланированного эксперимента была в том, чтобы предъявить испытуемым тексты

в разных вариантах. Сначала без фамилии автора, потом с фамилией автора. При этом каждый раз надо было измерять оценку текста по шкалам. По сути дела, мне был предложен семантический дифференциал, но я тогда не догадывался об этом. Я провел опросы, обработал результаты первых двух серий экспериментов, и Юрий Александрович предложил поменять фамилии авторов текста – тем текстам, которым испытуемые приписывали наибольшие баллы, надо было присвоить фамилии авторов, тексты которых получили меньшие баллы. Так, текстам Леона Измайлова была приписана фамилия Тэффи, а текстам Тэффи – авторство Измайлова. После проведения третьей серии экспериментов я отдал свои материалы Юрию Александровичу, и через неделю он вручил мне несколько страниц текста, которые назывались так: «Оценка художественного текста с учётом мены анхистонимов». Я спросил, что такое «анхистоним», и он сказал, что это просто фамилия автора. Я вчитывался в машинописный текст и надолго застрял на последнем параграфе, в котором было сказано примерно следующее: «Анхистонимы – это ктематонимы ментального плана, которые определяют вектор рецепции речевого продукта реципиентом».

Имелось в виду, что мы реагируем на имя автора, который придаёт тексту дополнительную значимость, или снижает её в зависимости от того, как мы оцениваем другие тексты автора текста, или его самого как личность. А «ктематоним» – это что-то вроде ярлыка на одежде, где написано название фирмы. Потом, когда статья вышла, я удивился тому, что Юрий Александрович поставил мою фамилию на первое место [Белянин, Сорокин 1983]. И лишь позднее я узнал, что так делается и в американских университетах, когда студенты проводят и описывают эксперимент, спланированный руководителем.

В какой-то момент я заинтересовался методикой дополнения (cloze procedure) и стал проводить эксперименты с «разрушенным» текстом. В УДН это приняли и даже назначили моим консультантом А.А. Леонтьева, который консультировал и знакомую мне Ирину Бутенко, писавшую диплом по разговорному языку у Н.И. Толстого в МГУ. Я поехал к Леонтьеву домой и рассказал ему о своём дипломе. Он одобрил. К психолингвистике заведующий кафедрой общего языкознания УДН Л.А. Новиков относился скептически, но отзывы А.А. Леонтьева и Ю.А. Сорокина сделали своё дело. А на защиту пришёл сам Юрий Александрович, выступил, и это дало все основания комиссии поставить мне за дипломную работу «отлично», а потом и получить красный диплом.

Уже на пятом курсе я подал заявление в аспирантуру УДН, но мне сказали, что мест у них мало, и посоветовали обратиться в Институт языкознания. Фактически мне отказали в том распределении, которое я хотел получить, но это меня не огорчило, так как я очень легко «прикрепился» в аспирантуру Института языкознания. Скорее всего, помогла мне в этом Наталья Владимировна Уфимцева, которая посоветовала поговорить с директором Института Г.В. Степановым. Денег никаких я не просил, статус соискателя был для всех самым необременительным, и я стал соискателем Сектора психолингвистики и теории коммуникации, а моим руководителем стал Ю.А. Сорокин.

После вуза меня распределили в Демократическую республику Афганистан. Перед отъездом Юрий Александрович подарил мне книгу на английском языке по социолингвистике для того, чтобы я сделал по ней реферат для кандидатского экзамена. Подобные книги в личном пользовании тогда были редкостью, но он отдал мне её, не

задумываясь. Потом я узнал, что у него дома была огромная библиотека, и он собирал книги как настоящий библиофил. Его стол в институте с трудом закрывался – там всегда были книги, которые ему дарили многочисленные посетители Сектора.

Вернувшись в 1980-ом году в СССР, я поступил на работу в ИРЯП им. А.С. Пушкина, а потом меня перевели в МГУ на подготовительный факультет для иностранных граждан. Я сдал все минимумы и начал писать кандидатскую диссертацию под руководством Юрия Александровича. Тема была очень широкая – психолингвистические аспекты восприятия текста – и сужалась долго и постепенно. Я начал с анализа устройства текста и к своей радости нашёл книжку, где было легко и просто написано про стилистику текстов научно-популярного жанра. Я в воодушевлении перепечатал оттуда несколько страниц и отдал текст на просмотр руководителю. Через неделю он молча вернул мне мои машинописные страницы. На полях были волнистые линии, и ни одно слово или выражение не было отредактировано. Я был в недоумении, а Сорокин сказал:

– А что тут править? Не надо так писать!

Я всё понял. И больше к научно-популярным книжкам не обращался, стараясь писать более строго и лапидарно. И мне долго импонировал его резкий научный стиль. При этом он использовал и даже создавал большое количество терминов (*соматикон, вербо- и психосоматика, психосемиотика, эмотивность, этнотип* и мн. др.). Я называл их сорокизмами и даже порой писал так же «герметично», словно подражая ему.

Когда на работе в МГУ узнали, что я пишу диссертацию, меня вызвала заведующая кафедрой О.М. Аркадьева и предложила поменять тему диссертации. Она сказала, что кафедра нуждается в исследовании методического аспекта морфологии падежной системы, и прежде всего, предложено падежа, и готова руководить моей работой. Я, не моргнув глазом, отказался, т.к. предложенная тема меня совершенно не интересовала, а Юрий Александрович мне давал всегда карт-бланш в моих интересах. И я мог писать хоть про научную фантастику, хоть про психологию, хоть про экспериментальные методы, главное, что это могло прилагаться к психолингвистике. Мой руководитель был и не впереди меня, и не сзади, он был рядом.

После длительной работы я представил ему основной текст диссертации. Он сказал очень просто:

– Можно выходить на предзащиту.

На предзащите и Р.М. Фрумкина и А.П. Василевич (которые были, как мне казалось, отдельной частью Сектора психолингвистики) сказали, что работа состоит из двух фрагментов, совсем не связанных между собой. Меня «завернули», дав полгода на дописывание.

Для того чтобы соединить две части работы, мне пришлось обратиться за помощью. Кто-то посоветовал мне пойти в Научно-исследовательский институт общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР (НИИ ОПП АПН СССР), который находился напротив консерватории, недалеко от переехавшего на проспект Калинина Института языкознания (по нынешнему адресу Б. Кисловский пер. дом 1). Там я нашёл психиатра Л.Т. Ямпольского, который помог спланировать мне очень необычный эксперимент [Белянин, Ямпольский 1982]. Позднее он стал получать телефонные угрозы антисемитского содержания и уехал через Голландию в США, и я потерял с ним связь. Подход Ямпольского был психиатрическим по сути.

Но Сорокин принял и психиатрический подход, и необходимость психологического тестирования читателей и писателей, и поиск корреляции между личностью и текстовыми элементами. Казалось, что для него не было запретов, и естественно-научный подход к тексту был для него вполне приемлемым.

В целом сам факт наличия у меня научного консультанта помимо него Ю.А. Сорокин воспринимал нормально. Более того, он периодически направлял меня на беседы к разным людям. Так я часто общался с А.И. Новиковым и Р.Г. Котовым, которые были очень благосклонны к психолингвистам. В Сектор нередко заходили и В.Н. Телия, и Ю.С. Степанов, которые были для меня светилами, и мне было интересно присутствовать при захватывающих интеллектуальных дуэлях. Позднее, однако, когда в Институте языкознания возник конфликт с Михаилом Николаевичем Правдиным, Ю.А. Сорокин, казалось, сознательно отстранялся от дискуссий идеологического плана, не обсуждал это со мной, и, как мне виделось это тогда, всем своим видом говорил, что эти конфликты – не наука, а лишь отвлечение от науки. Даже в конфликте Б.Н. Серебренникова и В.З. Панфилова он, очевидно поддерживая позицию Б.Н. Серебренникова, никогда не переходил на личности, а просто придерживался понятной для него позиции, не углубляясь в мотивировки.

В целом, как мне кажется, Юрий Александрович всегда немного чурался официальных дел, и даже о предстоящей мне процедуре защиты особенно не рассказывал (это больше делала Наталья Владимировна Уфимцева), но сам он «переговорил» с секретарем Совета А.М. Шахнаровичем и пригласил выступить Б.Н. Серебренникова, который прийти, однако, не смог, так как был уже болен. Защита прошла хорошо. В.Н. Ярцева, которая вела совет, задала несколько вопросов, на которые я, совершенно не ожидая никаких вопросов, отвечал в комплиментарном стиле, типа, спасибо за интересный вопрос. Банкетов тогда особых не было, так как с продуктами было «не очень», но я пригласил сотрудников Сектора домой. Было скромно, но душевно.

После защиты кандидатской диссертации на работе у меня мало что изменилось, мою учёную степень как бы не заметили, но я «остался в науке», продолжая публиковаться, ездить на конференции и выступая на всех симпозиумах по психолингвистике, начиная с 6-го (в 1978 году). Сорокин забрасывал меня информацией про разные конференции и сборники, помогая связаться с организаторами.

В 1989 году меня приняли на полставки в Институт языкознания для работы над проектом идентификации личности по речи под кодовым названием «Аэрофлот», и это было очень увлекательно, поскольку Юрий Александрович постоянно генерировал идеи. Потом материалы были посланы «куда надо», и я не помню публикаций по этой теме.

В 1991 году весь Сектор психолингвистики пригласили работать в Институт иностранных языков им. М. Тореза, который уже с 1991 года стал называться Московским государственным лингвистическим университетом (МГЛУ). Началось всё очень серьёзно. Основной состав сектора психолингвистики и теории коммуникации (в лице Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой и Ю.А. Сорокина) был приглашён для беседы к И.И. Халеевой. Пригласили и И.Ю. Марковину (самую первую аспирантку Сорокина), и меня (второго аспиранта). Встреча была очень деловой, и было ясно, что И.И. Халеева знала о присутствующих много. Мне, в частности, она сказала, что берёт меня «при условии» (мне показалось, что я ослышался), если я защищу докторскую

и соглашусь стать там профессором. Подобные предложения бывают раз в жизни. Конечно, я согласился, тем более в таком почётном составе.

Преподавание в МГЛУ оказалось не таким простым, как представлялось сначала. Я приносил на лекции многостраничные материалы, но их оказывалось катастрофически мало для того, чтобы рассказать в спокойном, ровном тоне студентам, которые не знали о психолингвистике ничего. А я привык к лапидарному, ёмкому стилю писания статей, которому я обязан Сорокину. Только через пару лет я научился вести лекции, а на читать доклады. С Юрием Александровичем ситуация оказалась несколько сложнее. Он с энтузиазмом взялся за преподавание, а потом столкнулся с той же проблемой – студентам надо было рассказывать сложные вещи простым языком, а он этого делать не любил. В результате студенты стали жаловаться. Однажды, когда я пришёл в Институт языкознания, меня отозвал в сторону Евгений Федорович Тарасов и спросил, хочу ли я остаться в МГЛУ. Я сказал, что очень хочу, хотя это и трудно. Тогда он сказал, что я должен поговорить с Сорокиным, так как я – «его любимый аспирант» и спросить его, хочет ли он продолжать преподавать там. До меня тоже доходили какие-то слухи, и я подозревал, что Юрий Александрович потерял всякий интерес к преподаванию. Мой разговор с Сорокиным был трудным, но коротким. Он сказал, что преподавание его в этом виде не интересует. И тут же написал заявление по собственному желанию. Я воспринял это болезненно, но уже тогда понял, что он был человек науки, но не преподаватель.

Потом я вышел на защиту своей докторской диссертации. И Юрий Александрович стал моим оппонентом, хотя он внёс огромный вклад в мою работу. Защита проходила в МГУ, потому что в Институте языкознания были какие-то сложности с Учёным Советом, а секретарь Диссертационного Совета при филологическом факультете МГУ А. Поликарпов сказал мне, что их Совет тоже могут закрыть, т.к. защит в те годы (1992-1993) было мало, и тем самым ускорил бесконечный процесс дописывания диссертации. Защита прошла трудно, хотя среди оппонентов был и Ю.А. Сорокин, и Ю.Н. Караулов. А вот И.А. Зимняя дала очень негативный отзыв (как мне показалось ещё и потому, что после её увольнения из МГЛУ туда пригласили нас из Института языкознания. На защите выступил какой-то – как говорил Сорокин – интересант и стал рассказывать о «Розе мира» Даниила Андреева и о Блаватской. Сорокин вступил с ним в дискуссию, но я уже отключился.

По основному образованию Ю.А. Сорокин был китаистом. Я не слышал, как он разговаривал на китайском, но читал его статьи, посвящённые психолингвистическим проблемам перевода [Сорокин 1984]. И даже получил в подарок книгу его стихотворных переводов с китайского Ван Вэя. По несколько раз в год Юрий Александрович дарил мне свои публикации. Это были оттиски, статьи в сборниках, сами сборники или небольшие книги. Сначала он подписывал их, потом стал делать это всё реже и реже.

Отдельно я могу долго писать о библиопсихологии, которая была одной из страстей Юрия Александровича. Он открыл для меня Эмиля Геннкена (которого я потом, отсканировав, опубликовал в электронном виде); он открыл для меня архивы по эвропатологии Г.В. Сегалина и даже неявно запрещенный в СССР дзен-буддизм. Но больше всего он любил Н.А. Рубакина. Сорокин рассказывал мне, как получил доступ в отдел рукописей Ленинской библиотеки, как расшифровывал часами его записи, а потом просто подарил мне изданную в 1977 году книгу Н.А. Рубакина «Психология читателя и книги», где было его предисловие [Сорокин 1977]. Он также с сожалением

рассказывал мне, что архив Рубакина в Швейцарии был разграблен его секретаршей, и всё было потеряно. Я тоже увлёкся Рубакиным, а его жизнь и творчество стали и для меня примером научной увлечённости и горения. Позднее он участвовал в издании более полного собрания сочинений трудов Рубакина на 800 страниц [Сорокин 2006]. Когда он дарил её мне, он просто вынул её из стола и протянул, как бы говоря: «*Вот ещё один шаг сделал в популяризации важного и умного, но тут важнее Рубакин, а не я*». Я не попросил автограф, потому что как бы прочитал в его жесте послы – важна наука, важен Рубакин, а не он – Сорокин, сначала, а потом уже исследователь.

Однажды я узнал, что Сорокин публиковался когда-то под псевдонимом Глеб Арсеньев и был в опале у советского строя. Сам он об этом не рассказывал. Я так и не знаю, стеснялся ли он, боялся ли он, или просто «не ворошил прошлое». Кроме того, мы редко говорили с ним о политике, а если и говорили, то Юрий Александрович высказывался очень коротко и резко. Он вообще не любил объяснять то, что ему казалось само собой разумеющимся. Но было понятно, что его многое не устраивало.

Мне кажется, что он старался – что называется – не отвлекаться, не говорить о том, что не имело отношения к науке, словно сохраняя время и силы для того, что увлекало его по-настоящему – для психолингвистики. Таким он мне и запомнился – увлечённым, целеустремленным, и погруженным в бесконечный поиск многочисленных истин.

© Белянин В.П., 2021

Литература

Белянин В.П., Сорокин Ю.А. Оценка художественного текста с учётом мены анхистонимов // Современные методы исследования средств массовой коммуникации. Таллин: Периодика, 1983, С. 216–218.

Белянин В.П., Ямпольский Л.Т. Экспериментальное выявление психологического тезауруса жанра текста // Общение: структура и процесс. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1982, С.90–100.

Сорокин Ю.А. Библиопсихологическая теория Н.А. Рубакина (критический очерк) // Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. М., 1977, С. 6–15.

Сорокин Ю.А. Какое библиопсихологическое наследство оставил нам Н.А. Рубакин // Рубакин Н.А. Библиопсихологическая психология. М, 2006. С. 5–9.

Сорокин Ю.А. Поэзия Ван Вэя (701–761) и чань-буддизм // Философские вопросы буддизма. Новосибирск: Наука, 1984. С. 102–113.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28.05.2021

Дата принятия к печати: 22.06.2021

Сведения об авторе:

Белянин Валерий Павлович – доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор по кафедре психолингвистики, психотерапевт, York Regional Psychological Services, Торонто, Канада

Контактная информация:

www.psyling.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4053-1335>

e-mail: psyling@gmail.com

Для цитирования:

Белянин В.П. Воспоминания о Юрии Александровиче Сорокине // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 20–27, doi 10.30982/2077-5911-2021-48-2-20-27

УДК 81.139

ББК 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-20-27

Essay

MEMOIRS ABOUT YURI ALEXANDROVICH SOROKIN

Valery P. Belyanin

Registered Psychotherapist, York Regional Psychological Services,
Toronto ON, Canada

Abstract

The memoirs tell in a subjective way about the author's supervisor, prominent Soviet and Russian psycholinguist Yuri Sorokin.

Keywords: psycholinguistics, bibliopsychology, Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of USSR, Yury Sorokin (1936–2009), Nickolai Rubakin (1842–1946)

References

Belyanin, V.P., Sorokin, Yu.A. (1983) *Ocenka hudozhestvennogo teksta s uchetom meny anhistonimov* [Evaluation of Literary Tests taking into Consideration that the Names of the Authors were Changed]. In: *Sovremennyye metody issledovaniya sredstv massovoj kommunikacii* [Contemporary Methods of Research on Mass Communication]. Tallinn, Periodica publ., pp. 216–218. (in Russian).

Belyanin, V.P., Yampolskij, L.T. (1982) *Experimentalnoje vyjavenije psihologicheskogo tezaurusu ganra teksta* [Experimental Revealing of Psychological Thesaurus of the Genre of the Text]. In: *Obschenije: struktura I process*. [Communication: Structure and Process]. Moscow, Institut Yhazykoznanija AN SSSR, pp. 90–100 (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (1977) *Bibliopsihologicheskaja teorija N.A. Rubakina (kriticheskij ocherk)* [Bibliopsychological Theory of N.A. Rubakin (critical essay)]. In: *Rubakin N.A. Psihologija chitatelja I knigi*. [Psychology of Reader and Book]. Moscow, pp. 6–15. (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (2006) *Kakoe bibliopsihologicheskoe nasledstvo ostavil nam Rubakin* [What Bibliopsychological Heritage was set after N. Rubakin]. Moscow, 2006, pp. 5–9. (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (1984) *Poezija Van Veja (701–761) i chan-buddizm* [Poetry of Wang Wei (701–761) and Zen Buddhism]. Novosibirsk, pp.102–113. (in Russian).

© **Belyanin V.P., 2021**

Article history:

Received: 28.05.2021

Accepted: 22.06.2021

Bionotes:

Valery P. Belyanin – Doctor of Philology, PhD in Psychology, Professor at the Department of Psycholinguistics, Registered Psychotherapist, York Regional Psychological Services, Toronto ON, Canada

Contact information:

www.psyling.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4053-1335>

e-mail: psyling@gmail.com

For citation:

Belyanin, V.P. (2021) Memoirs about Yuri Alexandrovich Sorokin. *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 20–27. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-20-27 (in Russian).